

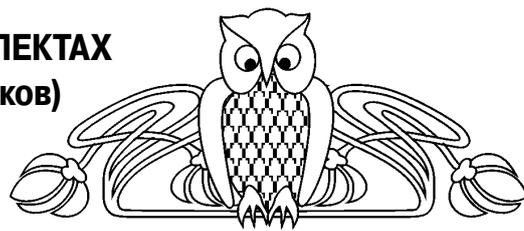
- ³⁵ См.: Бреева Л.В. Некрасова Н.В. Универсальное и национальное в английской фразеологии // Филология. Саратов, 1999. С. 52. Вып. 4.
- ³⁶ См.: Добровольский Д.О. Национально-культурная специфика во фразеологизмах (I) // Вопр. языкознания. 1997. № 6. С. 37.
- ³⁷ См.: Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. М., 1974. С. 149.
- ³⁸ Словарь русской фразеологии: историко-этимологический справочник / Сост. А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. СПб., 2001. С. 318.
- ³⁹ См.: Колодочкина Е.В. Продуктивные фразообразовательные модели французского языка и их использование при создании переводческих аналогов: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1996. С. 96.
- ⁴⁰ См.: Фролова И.Е. О номинативной функции фразеологизмов с соматическими компонентами шея, hals, neck в русском, немецком и английском языках // Филология. Саратов, 1999. Вып. 4. С. 59.
- ⁴¹ См.: Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты. М., 1996. С. 217.

УДК 811.161.1'37+811.111'37

КОНЦЕПТЫ ВРЕМЕН ГОДА В РЕЛИГИОЗНОМ И СИМВОЛИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ (на материале русского и английского языков)

Т.В. Салашник

Педагогический институт Саратовского государственного университета,
кафедра начального языкового и литературного образования
E-mail: sal-a-tv@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению концептов времен года в русской и английской лингвокультуре в религиозном и символическом аспектах. Религиозные и символические компоненты встречаются преимущественно в ассоциативном слое концептов. Наличие ассоциаций религиозного характера свидетельствует о существенной роли религии в формировании национального видения мира. Символика способствует более глубокому проникновению в культуру народа, его менталитет, систему верований.

Ключевые слова: концептосфера, концепты времен года, религиозный символ, символика, религия, лингвокультура.

Season Concepts in Religious and Symbolic Aspects (in the Russian and English Languages)

T.V. Salashnik

The article deals with the season concepts from the religious and symbolic perspectives in the Russian and English linguistic cultures. Religious and symbolic components can be generally found in the associative layer of concepts. Religious associations are indicative of the substantial role religion plays in the shaping of the national viewpoint on the world.

Key words: conceptsphere, season concepts, religious symbol, symbolism, religion, linguistic culture.

Концепты времен года входят в категорию культурных концептов. Будучи единицами национальных концептосфер, они аккумулируют в себе природные, географические, бытовые, религиозные и другие особенности каждой из лингвокультур. Совокупность концептов нации представляет собой концептосферу, которая образована всеми связями концептов носителей языка. Чем богаче культура нации, ее фольклор, литература, наука, изобразительное искусство, исторический опыт,

религия, тем богаче концептосфера народа. В настоящее время, когда религиозные доктрины широко распространяются в современном обществе, исследователи проявляют неподдельный интерес к вопросу о том, какую роль религия играет в формировании национальной картины мира этноса. Чтобы ответить на него, на наш взгляд, необходимо определить, какое место в структуре культурных концептов занимают религиозные компоненты и как часто они встречаются. Иными словами, необходимо выявить национально-культурную специфику концептов.

Под концептом понимается единица коллективного знания/сознания, отправляющая к высшим духовным ценностям, имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой¹.

Концепт как единица структурированного знания состоит из компонентов, которые образуют различные концептуальные слои. Разделяя в этом отношении точку зрения В.В. Колесова и Ю.С. Степанова², мы будем выделять в структуре концептов времен года этимологический, образный, понятийный, ассоциативный и символический слои³.

Послойный анализ концептов времен года с точки зрения выявления в них этнокультурной специфики позволяет увидеть национально-специфические компоненты, которые обнаруживаются в каждом из слоев концепта, но наиболее этноспецифичным представляется ассоциативный слой.

Так, в ассоциативных реакциях, данных русскими информантами на время года «весна», религиозный характер имеет ассоциация (*будет*

Пасха), отражающая специфику жизни русского народа. В ассоциативном слое других времен года религиозные компоненты отсутствуют.

В ответах англоязычных респондентов национально-специфичными являются ассоциации *Halloween, Thanksgiving Day, Trick-or-treats, Christmas, Christmas lights, carol singers at Christmas, Easter*. Данные ассоциации отражают религиозные традиции англичан и американцев.

Заметим, что ассоциация *Christmas* встречается в ответах англоговорящих 21 раз, у русских ассоциация *Рождество* – всего 2 раза. В англо-американской культуре Рождество является одним из самых широко отмечаемых праздников, в отличие от русской культуры, где на первый план выступает празднование Нового года. Ассоциация *Пасха* в ответах русских респондентов встречается всего один раз, в реакциях носителей английского языка – 9 раз. Как видим, религиозный компонент оказывается более значимым для англоязычной культуры, о чем свидетельствует большее, нежели у представителей русской культуры, количество реакций, связанных с религиозными праздниками. Следует отметить, что в ассоциациях религиозного плана у англоговорящих отсутствует реакция *Крещение*, у русскоговорящих не встречаются ассоциации *Halloween, Thanksgiving Day*, что обусловлено культурными особенностями наций. Общими праздниками для русской и англоязычной культур, нашедшими отражение в ассоциативных реакциях респондентов, являются *Рождество* и *Пасха*.

В текстах русских поэтов⁴ XIX–XX вв. ассоциативный слой представлен разными типами ассоциаций: референтными, ситуативными, образными, когнитивными. Компоненты религиозного плана встречаются в когнитивных ассоциациях (например, у А.С. Пушкина *На волю птичку выпускаю При светлом празднике⁵ весны...*).

У А. Фета среди когнитивных ассоциаций присутствуют *Воскресение Христа, Христос*: «Весна! Христос встает из гроба, – / Чело огнем озарено; «Христос воскрес!» – клик весенний».

Когнитивный тип ассоциаций А. Ахматовой имеет преимущественно религиозный характер: *рождественская ель, святки, Божий Ангел (Божий Ангел зимним утром...; Не верится, что скоро будут святки...)*.

В текстах английских поэтов⁶ XVI–XX вв. религиозная тематика отсутствует.

Заметим, что в ассоциативном слое рассматриваемых концептов лишь в поэтических текстах наряду с религиозными встречаются ассоциации, относящиеся к мифу, причем мифологические компоненты присутствуют и у русских, и у английских поэтов: «Соседи шумною толпою / Взошли, прервали тишину, / Садятся; чаш внимаем звону: / Все хвалят *Ваха* и *Помону*⁷ / И с ними красную весну...» (А.С. Пушкин); «Дождемся ль апреля Лугов молодых, крылатого *Леля*⁸ / Ковров доро-

гих?; Но они расцветут еще лучше, коль *Брама*⁹ После бурь ниспошлет весны благодатной дыханье...» (А. Фет); «Through autumn mists and took *Peona's*¹⁰ hand» (J. Keats); «And yet the *ichor*¹¹ of the spring» (S. Plath).

Понятийный слой концептов времен года содержит меньшее количество религиозных компонентов. В наивном дефинировании носителей русского языка они встречаются лишь при толковании времени года «зима» (*Празднование Крещения, Рождества*). В лексикографических источниках наличие компонентов религиозного плана присуще толкованиям энциклопедического характера. Так, в Словаре В.И. Даля религиозные компоненты встречаются в словарных статьях всех четырех лексем (например: *На Благовещенье третья встреча весны (Весна зиму поборола)*; *на Сретенье зима с летом встретилась*; *На севере с Ильина дня считают поворот лета на осень*¹²). В этом словаре информация религиозного характера представляет собой выборку из народного календаря. В Энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона религиозный компонент выделяется лишь с толкованием лексем «весна» и «лето». Авторами Словаря привлекался не только христианский народный календарь («*весна от Благовещеньева дни до Рождества Ивана Предтечи...*»), но и библейские тексты (*Ревекка для встречи Исаака оделась «в ризу летнюю»*). Из толкования лексемы «весна», предложенного в этом словаре, можно вычленил еще один компонент – мифологический (*Весна у славян представала красивой девушкой с венком из цветов, девушку звали Ляля, а солнцу давалось имя Ярило*)¹³. В английской лингвокультуре данный слой не включает подобных понятийных компонентов.

В этимологическом и образном слое концептов времен года религиозные и мифологические компоненты отсутствуют.

Как видим, ассоциации религиозного характера преобладают у представителей англоязычной культуры, что, на наш взгляд, свидетельствует о более серьезном укоренении религиозных традиций и обычаев у данного народа. В русской лингвокультуре данные ассоциации у современных носителей встречаются редко. Религиозные компоненты понятийного слоя представлены в основном в словарях XIX в. Данный факт указывает на меньшую степень привязанности современных носителей русского языка к религиозным праздникам и обычаям. Однако заметим, что наличие таковых компонентов в концептах, далеко не относящихся к религиозной сфере, позволяет сделать вывод о достаточно глубоком проникновении религии в сферы современного человеческого общества.

Мифологические компоненты в большей степени свойственны русской лингвокультуре. В английской лингвокультуре данные компоненты встречаются всего два раза в текстах J. Keats и S. Plath. Такое соотношение указывает на преоб-

ладание языческого характера верований русского народа.

За счет создания и распространения мифов и религиозных учений в древнем обществе происходило укрепление символических связей. Постепенно мифы, религия и символы становились важнейшими элементами культуры, а сама символика отражает существенную часть культуры нации.

В Малом академическом словаре русского языка дается следующее определение символа: «Предмет, действие и т.п., служащие условным обозначением какого-либо понятия, идеи»¹⁴.

В русской лексикографической традиции принято особо выделять значение, связанное с художественно-выразительной функцией символа – «Художественный образ, условно передающий какую-либо мысль, идею, переживание», а также «Художественный образ, в котором условно выражены идеи и переживания, преимущественно мистические (лит., искус.)»¹⁵.

Е.В. Шелестюк считает, что важным свойством всех древних символов является архетипичность. Представления древних весьма отличались от современных понятий, и ядро этих представлений составляли те образы и первичные идеи, которые называются архетипами. Первичные образы и идеи воплощаются в виде символов в мифах и верованиях, в произведениях литературы и искусства. С эволюцией мышления происходит движение многих ядерных сем к периферии. Благодаря этому движению вокруг ядра сосредотачиваются «символические» семы, определяющие представления пралогического и мифологического мышления, которые образуют своеобразные наслоения смыслов. Они создают вокруг соответствующих понятий «символическую ауру», которая во многих случаях осознается и современными людьми¹⁶. Эта аура носит древний, архетипический характер или обусловлена стереотипными для данной культуры ассоциациями. При актуализации имени в соответствующем контексте аура воплощается в переносном символическом значении.

По мнению Е.И. Варюхиной, символ выражает сущность чувственного образа как формы познания окружающего мира, с этим связаны его центральное положение в системе культуры и тот интерес, который вызывает это понятие. Символ может наполняться конкретной реальностью только в соотношении с определенной системой – это может быть идейно-композиционная структура отдельного произведения, индивидуально-поэтическая система писателя или культурно-историческая традиция в целом. В данной системе символ проявляет себя через символические формы. Символическими формами могут быть и художественный образ, и метафора, и аллегория, и миф. Приобретая символическое значение, они начинают указывать на нечто отличное от себя, но при этом сохраняют и самостоятельную

поэтическую ценность. Символичность вытекает из самой специфики поэтического слова, главным признаком которого является многозначность, семантическая осложненность, одновременная актуализация нескольких смысловых структур, взаимодействующих друг с другом. В поэтической системе слово выходит за пределы собственно лексического значения, приобретает символическую значимость.

Выделяются следующие типы символических образов: традиционные (мифологические символы, библейские символы, фольклорные эмблемы, литературные реминисценции); индивидуально-авторские (контекстуально-ограниченные, лейтмотивные). Традиционные, универсальные символы, значимые в культуре в целом, могут иметь архетипический характер, приближаться по структуре к мифу, с ними связано множество закрепленных мифопоэтической традицией ассоциаций. Их символическое значение определяется прежде всего экстралингвистическими факторами, обусловлено культурной традицией¹⁷. Именно такие архаические ассоциации представляют символический слой концептов времен года.

Исследованию архаической символики славянских народов посвящены работы А.Н. Афанасьева, Н.Н. Велецкой, Л.Н. Виноградовой, В.В. Иванова, В.Н. Топорова, В.Я. Проппа¹⁸. По мнению исследователей, год у древних делился на две половины: зиму и лето. Начинаясь год с марта, так как с этой поры, по представлению древних славян, природа пробуждается от мертвого сна к жизни и светлые боги приступают к созиданию благодатного царства. Чувствуя пробуждение благотворных сил природы, человек стремился обрядами закрепить их и связать эту животворящую силу со своей собственной судьбой. Отсюда и весенняя обрядовая поэзия, веселые песни и пляски молодежи, средневековые воинские весенние потехи, отсюда и эротические мотивы в весенних песнях и играх, время сватовства и любовных гаданий. Весна, например, выступала как дева, украшенная красотой и добротой, всеми любимая. Лето представлялось как тихий муж, богатый, красивый, который питает людей, смотрит за своим домом, любит работу. Осень – как старая, богатая, многодетная жена, иногда довольная плодами, тихая, безмятежная. Зима у славян – это старуха, вредная, злая, хотя иногда она может и миловать¹⁹.

Как видим, символические образы, связанные с временами года, имели у славян антропоморфический характер. Всякое явление, созерцаемое в природе, делалось понятным и доступным древнему человеку только через сближение со своими ощущениями и действиями. Он невольно переносил на божественные стихии формы собственного тела или знакомых ему животных, но эти формы были более совершенными, идеальными. В мифах и сказаниях природа исполнена разумной жизни, наделена высшими духовными дарами: умом,

чувством и словом; к ней обращается человек со своими радостями, горем и страданиями и всегда находит сочувственный отзыв. Пранарод жадно вглядывался в картины обновляющегося весною мира, с трепетом ожидал восхода солнца и подолгу засматривался на блестящие краски утренней и вечерней зари, на небо, покрытое грозowymi тучами, на старые девственные леса, на поля, красующиеся цветами и зеленью. Первые наблюдения человека принадлежали миру физическому, к которому тяготели и его религиозные верования, и его начальные познания; все это составляло одно целое и было проникнуто одним пластическим духом поэзии²⁰.

Антропоморфный характер образов времен года сохранила русская поэзия²¹. У А.С. Пушкина весна предстает в образе красавицы: «Вылетела первая пчелка, / Полетела по ранним цветочкам / О красной весне поразведать...»; у А. Фета весна крепит, учит верить: «Весна! Весна! о, как она крепит, / Как жизненной нас учит *верить силе!*». А. Фет создает образ воспламеняющей весны на основе представлений славян о пламенном Леле, мечущем из рук огненные искры. Именно огонь, согласно народным традициям, дарует жизнь: «Тихонько движется мой конь По вешним заводям лугов, И в этих заводях *огонь* Весенних светит облаков...». Весенний огонь А. Фета восходит к аналогии небесного света со светом обыкновенного огня. А. Фет связывает идею жизни со светом и теплотой вслед за народной культурой. Лето у А. Фета представлено в виде зноя и дождя. Дождь, в соответствии с народными представлениями, воспринимается как дар божий и как кара небесная: «Рад я *дождю* / От него тучнеет мягкое поле, Лист зеленеет на ветке, и воздух становится чище; / Зелени запах одну за одной из ульев многошумных / Пчел вызывает... / Но нестерпим ты мне ночью бессонною...; / И пресыщенная *дождями*, / Не верит солнышку земля...; / Под кровлей влажной и раскрытой / Печально праздное житье...».

В летнем контексте А. Фета часто употребляются слова со значением «огонь, горячий»: «Все изменяется, как тень за долгий день *горячим* летом», / Как здесь свежо под липою густою – / Полдненный *зной* сюда не проникал... / А там вдали, сверкает воздух *жгучий*, / Колебляся, как будто дремлет он...». Уподобление дождя небесным слезам отсылает к традициям славянской культуры. Рядом с мифическим представлением облаков как бровей и ресниц слезы стали метафорическим названием дождя и росы. Слезы неба – дожди – создавались из слез божьих. Дождь дарует жизнь, воскрешает все, что «умирает» под лучами «огнедышащего ока». Вслед за народной культурой автор признает священный, божественный характер происхождения радуги: «Я – ничего не могу; / Один лишь может, кто могучий, / Воздвиг *прозрачную* дугу / И живоносные шлет тучи».

Представления поэта об осени связаны с увяданием природы, уменьшением количества тепла

и света: «Устало все кругом: *устал* и цвет небес, / И ветер, и река, и месяц, что родился, / И ночь, и в зелени потусклой спящий лес, / И желтый тот листок, что, наконец, свалился...; / Вот и летние *дни убавляются*. / Где ж лета лучи золотые? Только серые брови сдвигаются, / Только зыблются кудри седые; / И болью сладостно-суровой / Так радо сердце вновь зануть, / И в ночь краснеет лист кленовый, / Что, жизнь любя, *не в силах жить*». Печать уныния, увядания, смертельного недуга, сна природы лежит на всем. Природа постепенно погружается в «неподвижный полусон», многое уже умерло, но эта осенняя смерть не торжественное зимнее окаменение природы, а процесс угасания, то состояние, которое приведет к зимней сказочной зачарованности. Эта картина осеннего увядания и угасания усиливается мотивом тишины и человеческого одиночества. Тишина осенней природы напоминает царство мертвых, траурную процессию. В стихах А. Ахматовой осень – заплаканная вдова, подруга, Тамерлан: «Заплаканная осень, как *вдова*, / В одеждах черных, все сердца туманит...; / И снова осень валит *Тамерланом*...; / Здесь северно очень – / И осень в *подруги* / Я выбрала в этом году...». У А.С. Пушкина осень – это нелюбимое дитя: «Красою тихою, блистающей смиренно / Так *нелюбимое дитя* в семье родной / К себе меня влечет...».

Зима у А.С. Пушкина представляется старухой, проказницей, волшебницей, матушкой, вождем: «Вот север, тучи нагоняя, / Дохнул, завыл – / И вот сама / Идет *волшебница* зима; / Блеснул мороз, и рады мы / Проказам *матушки* зимы; / Когда могущая зима, / Как бодрый вождь ведет сама / На нас косматые дружины / Своих морозов и снегов...». Зима в творчестве А. Фета предстает в образе сна, постели, смерти: «Вот утро севера – *сонливое*, скупое – / Лениво смотрится в окно волоковое...; / Как гроздья винограда, / Ветвей концы висят, – / И радостен для взгляда / Весь *траурный* наряд...; / Сегодня вдруг исчезло лето; / Бело, *безжизненно* кругом...; / Где холм причудливый, как некий мавзолей, Изваян полностью, – круженье вихрей дальних / И блеск торжественный при звуках *погребальных*; Так, заверша / Сбирается в серебряной тиши / Глубокой и холодной постелью...». Зима – это время в народном календаре после смерти и до возрождения природы, время, которое не явлено в человеческой жизни, но присутствует в жизни природы. А. Фет создает образ зимы на основе общеславянских традиций. Это время года выражает художественные представления о небытии, о мире ином в его отношении к цветущему земному бытию. Зимнее царство изображается с опорой на народные представления о мире мертвых, об ином мире. Так же как и в народной культуре, фетовская зима изображается тождественной отрезку человеческой жизни – старости и смерти²².

Несмотря на индивидуальность образов, русская поэзия XIX–XX вв. в основе своей сохранила

архаические символы времен года до наших дней, но привнесла много индивидуального и своеобразного в их трактовку.

В английской поэзии времена года включают меньшее количество символических компонентов, хотя в каждом из концептов присутствуют ассоциации антропоморфного характера. Например, «Spring» антропоморфизму подвергается только двумя ассоциациями: *enchanted* (очарованная) и *green-kirtled spring* (весна, одетая в зеленый киртл), эти ассоциации встречаются у Дж. Китса и отсутствуют у других двух поэтов.

Олицетворение времени года «summer» просматривается из ассоциаций: *summer dies* (лето умирает), *summer grows old* (лето стареет), *blush'd* (румянец лета), *summer head* (голова лета), *summer's honey breath* (медовое дыхание лета).

Антропоморфизм времени года «autumn» выражен в ассоциациях: *autumn's blush* (румянец осени), *bold* (смелая), *cold-blooded* (хладнокровная, жестокая).

«Winter» соотносится с образом старого человека, жестокого и злого, с холодным дыханием, об этом свидетельствует ассоциация *winter's ragged hand* (жестокая рука седой зимы), *breath of winter* (дыхание зимы).

Символическая составляющая концептов времен года наиболее ярко просматривается в произведениях русских поэтов; в английских текстах встречается меньшее количество символических ассоциаций. На наш взгляд, причина этого – большая соотнесенность природы с мифом и религиозным верованием у представителей русской лингвокультуры, их более глубокое желание через символы понять психологические, религиозные и социальные корни человеческого бытия, понять суть объектов и происходящих вокруг событий. Это не случайно, так как одной из черт русского сознания является упование на неизведанные возможности жизни, случай, созерцательность, тяга к чему-либо мистическому, сакральному. Англо-американскую же культуру отличают рационализм, прагматический подход, деятельность, абстрактность мышления.

Таким образом, наличие религиозных компонентов в культурных концептах свидетельствует о том, что религия играет существенную роль в формировании нравственного сознания народа, его менталитета, а также национального видения мира. Кроме того, религиозные учения и верования способствуют формированию и укреплению символических связей.

Обращение к символике необходимо для более глубокого осмысления культур, их содержания и развития, так как фиксация общественных знаний осуществляется через знаковые системы (слова и символы). Символика может рассматриваться как особый инструмент, главным назначением которого являются хранение и передача зафиксированной культурной информации.

Примечания

- 1 См.: Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1.
- 2 Колесов В.В. Философия русского слова. СПб., 2002; Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М., 1997.
- 3 Этимологический слой выявлялся на основе анализа словарных статей этимологических словарей; образный и ассоциативный (в ряде случаев ассоциативный переходит в символический) слои – с помощью анализа свободного и направленного ассоциативного экспериментов, а также текстов поэтов разных веков; понятийный слой был восстановлен на основе анализа толковых словарей и наивного дефинирования.
- 4 В качестве источников взяты произведения А.С. Пушкина, А. Фета, А. Ахматовой.
- 5 Светлый праздник – Благовещение.
- 6 В качестве примеров были взяты произведения У. Шекспира, Д. Китса и С. Плат.
- 7 Помона – в римской мифологии богиня плодов. Вакх – в римской мифологии бог вина и виноделия.
- 8 Лель – в славянской мифологии юный бог любви.
- 9 Брама – в индийской мифологии творец и вседержитель мира, отец богов и людей.
- 10 Пеон – в греческой мифологии врачеватель богов.
- 11 Ихор – миф. «кровь богов».
- 12 Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 2 т. М., 1981.
- 13 Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1896.
- 14 Малый академический словарь: В 4 т. М., 1988. Т. 4. С. 57.
- 15 Там же.
- 16 Шелестюк Е.В. О лингвистическом исследовании символа // Вопр. языкознания. 1997. № 4.
- 17 См.: Варюхина Е.И. Смысловая структура символов растений в польской поэзии. СПб., 1997.
- 18 См.: Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. М., 1994. Т. 3; Велецкая Н.Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 1978; Виноградова Л.Н. Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян. Генезис и типология колядования. М., 1982; Иванов В.В., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие системы. М., 1965; Протн В.Я. Фольклор и действительность. Избр. статьи. М., 1976; Он же. Язычество древней Руси. М., 1987; Он же. Поэтика фольклора: Сборник трудов. М., 1998.
- 19 См.: Афанасьев А.Н. Древо жизни: Избранные статьи. М., 1983.
- 20 См.: Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 3.
- 21 В концептах времен года символический компонент присутствует в составе ассоциативного слоя и вычленяется при анализе текстов русских и английских поэтов разных эпох.
- 22 Фирсова Т.Г. Творчество А.А. Фета и русский фольклор: Дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2004.